

го состояния четко отражает национально-культурные особенности и регулирует коммуникативное расстояние между коммуникантами. НК соответствующим образом регулирует социально значимые отношения в том или ином социокультурном пространстве и играет важную роль в процессе межкультурной коммуникации.

Литература

1. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М., 2003.
2. Дементьев В. В. Непрямая коммуникация. М., 2006.
3. Дементьев В. В. Основы теории непрямой коммуникации: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Саратов, 2001.
4. Дементьев В. В. Непрямая коммуникация и этикетные смыслы // Проблемы речевой коммуникации. Саратов, 2005. № 5. С. 196–204.
5. Мясников В. С. Антология хитроумных планов // Стратегемы: О китайском искусстве жить и выживать. М., 2004. Т. 1. С. 5–27.
6. Цзя Юйцинь. Межкультурная коммуникация. Шанхай, 1997.
7. Шэнь Чжи. О речевом акте *просьба* // Вестн. Гуансиского ун-та. 2008. № 5. С. 250–252.
8. Тань Аошуан. Китайская картина мира: Язык, культура, ментальность. М., 2004.

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ СО СФЕРОЙ-ИСТОЧНИКОМ «АНТИЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА И МИФОЛОГИЯ» В ЛИРИКЕ А. КУШНЕРА

И. С. Балабанович

Нами предпринята попытка выявления специфики функционирования прецедентных феноменов (далее – ПФ) со сферой-источником «Античная литература и мифология» в творчестве петербургского поэта А. Кушнера. В качестве материала избраны 4 сборника, репрезентирующие различные периоды творчества поэта: «Канва» [4], «Таврический сад» [5], «Живая изгородь» [3], «Вечерний свет» [2].

Обращение к античным текстам и мифам как источнику прецедентности представляется актуальным в контексте творчества А. Кушнера. По словам П. Цыпилевой, «поэзия А. Кушнера пронизана отсылками к античной истории и литературе» [7, с. 12].

Вслед за Д. Багаевой, Д. Гудковым, И. Захаренко, В. Красных мы различаем вербальные и вербализуемые ПФ. Прецедентный текст (ПТ) и прецедентная ситуация (ПС) (как вербализуемые феномены) «хранятся» в когнитивной базе в виде инвариантов восприятия и могут быть при необходимости вербализованы. Вербальные же феномены – это прецедентное имя (ПИ) и прецедентное высказывание (ПВ) [6].

ПИ может функционировать как любое другое индивидуальное имя (при этом дифференциальные признаки игнорируются), в качестве сим-

вола прецедентного текста или ситуации или как собственно прецедентное имя (в таком случае имя обозначает определенный признак, некоторую черту характера или внешности) [6, с. 91–94].

ПИ со сферой-источником «Античная литература и мифология» в качестве собственно прецедентных употребляются у А. Кушнера сравнительно редко. Например, поэт пишет о времени, проходящем после разлуки близких людей, и пространстве, их разделяющем: «Две разные Леты, / А пить все равно из какой» [4, с. 32]. Лета здесь – средство забвения, способ что-то забыть.

Гораздо чаще ПИ являются средством апелляции к ПС и ПТ. Так, ПИ *Орфей* и *Эвридика* отсылают к ПС следования кого-то за кем-то (буксир и следующие за ним баржи – как Орфей и следующие за ним две Эвридики) [4, с. 188], похищение Европы Юпитером – прецедентная ситуация похищения [5, с. 75–76].

К ПТ может отсылать комбинация ПИ и ПВ. «„Ай, ай, ай, ай“, – *Медеи* причитанье / Во всю строку – понятно мне теперь» [5, с. 4], – признается лирический герой А. Кушнера. Поэт маркирует претекст, обращаясь не к мифологической Медее, а именно к трагедии Еврипида «*Медея*», причем точная цитата становится «ключом» к пониманию связи стихотворения с идейным содержанием трагедии. «Страх – вот что всех иных священных чувств древней. / Не помню, кто бежал так, бросив щит, – Гораций?» [3, с. 62]. Кроме упоминания имени *Горация*, здесь присутствует и незакавыченная цитата из его автобиографической оды «*O saepe mecum tempus in ultimum...*».

ПВ может значительно трансформироваться, превращаясь в аллюзию, легко узнаваемую читателем: «Я эти стихи / Писал, вопреки Гераклиту: / Как в те же грехи, / Входил в эти строфы...» [4, с. 200] (обыгрывается фраза «В одну реку нельзя войти дважды», приписываемая Гераклиту).

Для многих стихотворений А. Кушнера характерно такое «проникновение» лирического героя в ПТ, при котором ПИ, называющее его героя или автора, выполняет функции обращения, то есть лирический герой А. Кушнера ведет непосредственный диалог с античными героями и авторами: «Марциал, унывать нам смысла нету» [4, с. 196]; «Я драм боюсь, Эсхил» [3, с. 57]; «Не любовь, Катулл, это, а влюбленность» [3, с. 96]; «Мне, Плиний, мне позволь задание твое / Исполнить» [3, с. 114]; «*Медея*, – говорю, – кого-нибудь другого / Найди» [3, с. 32]; «Ты и впрямь вышивать не умеешь, Елена» [3, с. 97], «Разрешите мне, Вергилий, добавить...» [2, с. 79], «Глубокоуважаемый циклоп! / Пожалуйста, в сторонку отойдите» [2, с. 55].

Такое «вживание» лирического героя в претекст может сопровождаться слиянием с образом героя античного произведения, когда «Я» в

стихотворении – это не «Я» лирического героя, а «Я», к примеру, Ахилла или Одиссея. Так, в стихотворении «Сон» [5, с. 33–34] от 1-го лица пересказывается сюжет фрагмента «Илиады» Гомера. Стихотворение «Разговор с Циклопом» [2, с. 55] представляет собой развернутый монолог Одиссея, обращенный к Циклопу, причем Одиссеей даже представляется: «Спросите: „Кто такой?“ / Скажу: „Никто“...», что может быть воспринято как конкретизация источника прецедентности: отсылка осуществляется не к мифу, а именно к гомеровской «Одиссее». В этих случаях обращение к античным произведениям обладает в стихотворениях А. Кушнера текстообразующим статусом.

В стихотворении «При мне она в котел понурого барана...» [3, с. 32] лирический герой ведет диалог с Медеей. А. Кушнер предлагает свою трактовку мифа: в стихотворении Медея помещает в котел живого барашка (согласно мифу, барашка она зарезала), а вслед за этим предлагает омолодиться лирическому герою. Идентифицируется ли лирический герой с Пелием – вопрос спорный. Ведь, в отличие от Пелия, которого в котел бросили дочери, он свободен в выборе и осознанно отказывается от омоложения, утверждая идеал гармонии личности с собой и своим возрастом, экзистенциальное смирение с идеей конечности жизни.

Античная литература и мифология тесно связаны в поэтическом сознании А. Кушнера с русской литературной традицией: ведь восприятие им античности происходило во многом благодаря обращению к произведениям русской литературы, в том числе переводам античных поэтов и философов. Стихотворение «Не слишком сложен был профессорский вопрос...» [3, с. 131] интересно с точки зрения рецепции А. Кушнером античности сквозь призму русской поэзии XX в. Оно повествует о студенте, не ответившем на экзамене на вопрос об Эсхиле. Упоминание о том, что этот студент «когда-то жил уже, дружил во тьме веков / С Эсхилом-грузчиком, Софоклом-лесорубом», отсылает читателя к эпиграфу из О. Мандельштама («Но эти губы вводят прямо в суть / Эсхила-грузчика, Софокла-лесоруба...»), поясняя, что студент – это сам О. Мандельштам. А. Кушнер обращается к эпизоду биографии поэта, не сдавшего экзамен по античной литературе. В дневнике С. Каблукова есть запись о том, что О. Мандельштам не ответил на вопрос о Катулле и Тибулле, а не об Эсхиле. В книге «Счастье таланта» В. Каверин пересказывает этот же эпизод, ссылаясь на Ю. Тынянова, с заменой Катулла и Тибулла Эсхилом. По мнению О. Лекманова, это произошло потому, что «мемуаристу хотелось подчеркнуть разницу между Мандельштамом-студентом и Мандельштамом-поэтом; об Эсхиле Мандельштам в своих стихах писал, а о Катулле и Тибулле – нет» [1].

В стихотворении «Путешествие» [4, с. 79] А. Кушнер противопоставляет «Элизий земной» (итальянский город Ливорно как рай на земле, чрезвычайно приятное для времяпрепровождения место) и «Элизий небесный» (как часть загробного мира), интенционально употребляя мифоним *Элизий*. При этом метафора «Элизий земной» – точная цитата из стихотворения Е. Баратынского «Пироскаф», к которому отсылает выражение «Баратынский с его пироскафом».

Многое в прояснении идейного содержания стихотворения может дать посвящение. В стихотворении «Минерва спит, не спит ее сова...» [2, с. 89] А. Кушнер обращается к символическому образу римской богини Минервы, одним из атрибутов которой в мифологии является сова. Стихотворение посвящено Л. Столовичу, российскому философу, автору статьи «Покинула ли „Сова Минервы“ эстетику?». Посвящение отсылает читателя к знаменитому гегелевскому образу: по Гегелю, наше время неблагоприятно для искусства, и это способствует развитию эстетики, трактуемой Гегелем как наука об искусстве. Таким образом, для читателя, знакомого с философией, Минерва и ее сова – это не столько отсылка к античной мифологии, сколько апелляция к концепции Гегеля. Кстати, Л. Столович посвятил А. Кушнеру свой поэтический текст «Мне Кушнер посвятил стихотворение...».

Лирический герой А. Кушнера живет в особом измерении, для него античность и реалии современной жизни взаимопроникают, смешиваются. С одной стороны, реальность воспринимается сквозь призму мифологического, поэтому, например, в ряду гидронимов, называющих петербургские реки, оказываются реки античного царства мертвых [4, с. 65]. С другой стороны, исследователи подчеркивают, что для поэтов неоакмеистического направления, к которым часто относят А. Кушнера, характерны «адаптация „высокой“ античности, упразднение дистанции между античностью и современностью, лишение античности сакрального смысла» [7, с. 8]. Это отражается и на специфике функционирования в кушнеровских текстах прецедентных феноменов со сферой-источником «Античная литература и мифология».

Литература

1. Интернет-адрес: <http://www.rusmysl.ru/2000111/4334/433430-2000Sent28.html>.
2. *Кушнер А. С.* Вечерний свет. СПб., 2013.
3. *Кушнер А. С.* Живая изгородь. Л., 1988.
4. *Кушнер А. С.* Канва. Л., 1981.
5. *Кушнер А. С.* Таврический сад. Л., 1984.
6. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов / И. В. Захаренко [и др.] // Язык, сознание, коммуникация: сб. ст. / Под ред. В. В. Красных, А. И. Изотова. М., 1997. Вып. 1. С. 82–103.

7. *Цытилева П. А.* Рецепция античной культуры в творческом сознании Арс. Тарковского, А. Кушнера, С. Стратановского: Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2016.

ОСОБЕННОСТИ АНГЛИЙСКИХ АДЪЕКТИВНЫХ АНАЛИТИЧЕСКИХ ФОРМ

А. А. Бруцкая

На сегодняшний день одной из проблемных зон, изучаемых грамматической вариологией, является вопрос интерпретации форм степеней сравнения прилагательного. В разное время решением этой проблемы занимались различные отечественные и зарубежные лингвисты, среди которых Л. С. Бархуратов, А. И. Смирницкий, Л. Л. Нелюбин, В. Я. Плоткин, М. Я. Блох, И. П. Иванова, В. Н. Ярцева и др. (в сфере английской грамматики); Б. А. Богородицкий, В. В. Виноградов, П. А. Лекант, Н. Ю. Шведова, Б. Ю. Норман, Г. А. Золотова, А. М. Пешковский, И. А. Фигуровский, Л. В. Щерба и др. (в области русской грамматики); Е. Ф. Карский, Ф. П. Филин, Ф. Янковский, А. М. Бордович и др. (в русле белорусской грамматики).

П. А. Лекант отмечает, что обозначение степеней сравнения прилагательных русского языка наблюдается во всех теоретических грамматиках, однако выделение аналитических форм данной грамматической категории и обоснование их как результата грамматического идиоматизма впервые было предложено В. В. Виноградовым [5, с. 33–35]. Данная точка зрения остается доминирующей как в русском, так и в белорусском языкознании.

Что касается вопроса наличия/отсутствия адъективных аналитических форм сравнения в английском языке, то он остается дискуссионным. В зависимости от того, как трактовать конструкции типа *more beautiful*, *most beautiful*, их конституируют либо как аналитические формы прилагательного *beautiful* (тем самым относя степени сравнения к чисто грамматической категории), либо как сочетания двух полнозначных слов (воспринимая степени сравнения в качестве лексикограмматической категории). Соответственно, спорным остается вопрос лингвистического статуса единиц *more* и *most*.

Еще одним дискуссионным вопросом является проблема количества степеней сравнения: это дву- или трехчленная категория; включать ли в состав степеней сравнения конструкции с компонентами *less*, *least* (как «нисходящую» степень сравнения)?

Прежде, чем приступить к анализу разных теорий, отметим, что мы будем понимать под аналитическими формами английского языка